

ПРИТВОРИСЬ

мочи!

ФРЕНДЗОНА
ДЛЯ МАЖОРА

Ольга
НИКОЛАЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Николаева

Притворись моим!
Френдзона для Мажора

«Автор»

2026

Николаева О.

Притворись моим! Френдзона для Мажора / О. Николаева —
«Автор», 2026

«Будь моим» - так Алька шепчет в моих горячечных снах. Сладко улыбается и тянет ко мне руки «Притворись моим!» - то, что я слышу в реальности. И ненавижу ее. И себя. За то, что когда-то заставил ее верить в нашу дружбу!

Все девочки в округе мечтают попасть ко мне в постель. А мне нужна всего одна – та дурочка, что поместила меня во френдзону. Папа никого не примет, никогда. Только Воронова Данилу. Он ведь самый надежный, самый проверенный, самый правильный – сын его лучшего друга! А я Я хочу, между прочим, любить! И совсем не этого мажорчика, с его чередой красивых кукол. Но зато он может мне помочь. Точно ведь не откажется! Всего-то и нужно – моим парнем притвориться. Это ведь не так и сложно Правда же?...

© Николаева О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ольга Николаева

Притворись моим! Френдзона для Мажора

Глава 1

«Ты мне нужен! Срочно! Ответь, пожалуйста!» .

Сердце замерло на секунду, и тут же ускорило бег. Челюсти сжались до хруста. И глаз дернулся.

- Милый, ну, что там опять у тебя? – Жеманный голосок защекотал ухо елеем. По шее, вниз под вырез майки, проскользнули тонкие пальчики с кровавым маникюром.

- погоди. – Отмахнулся от назойливой девки, словно от мухи. – Тут срочное.

Перевернул экран, чтобы не светить лишнее.

- Дан! Данечка! Ты же обещал, что сегодня... - Она обиженно надула пухлые губы, принялась наматывать платиновую прядь на тонкий пальчик. – Я и так тебя ждала столько времени...

- Подождешь еще. Не развалишься. – Сорвался с постели, на ходу застегивая джинсы, захлопнул за собой дверь спальни.

- Что?! Что опять случилось, Аль?! – Боковым зрением засек движение за спиной. Белокурая фурия вылетела из квартиры, долбанув дверь с такой силой, что стены затряслись. – Ты мне опять горячую ночь загубила! До утра не могла подождать?!

Она притихла. Прерывистый вздох – и ни слова больше. И какие-то громкие крики, визги, басы музыки на заднем фоне.

- Только вот еще не плачь мне. Не хватало твои сопли утирать!

Стиснул зубы, чтобы еще чего-то грубого не ляпнуть.

Ее обидишь – потом полгода надо ходить вокруг и умолять, заглядывать в глаза, как побитая собака.

- погоди. Сейчас включу видео. Пару секунд.

Сбросил вызов.

Один шаг – в спальню, второй – к двери.

Ага.

Так и думал.

Эта надутая блонда еще топталась в подъезде. Типа, не могла такси вызвать.

- Труссы свои запасные заberi. – Швырнул ей «забытую» сумочку. И все замки закрутил на максимум оборотов.

- Дань. У тебя свидание, да? Я помешала? Прости... - Алька уже сама смотрела на меня, как побитая собачонка.

- Переживу. Что у тебя?

- Иди, верни девочку. Ну, чего ты мне сразу-то не сказал?

Связь – хреновее некуда.

Вместо нормальной картинки, на экране только размытые пятна в пикселях.

- Выйди на улицу. Я ни черта не вижу. И слышу тебя плохо. – Смутное беспокойство уже начало нарастать. Смешалось со злостью и раздражением.

Сейчас бы схватить ее за шкурку и встряхнуть, как котенка нерадивого! Вытрясти всю глупость. И поцеловать. Высосать из дурной головешки любые мысли об этих идиотских клубах!

И всю душу из нее вытянуть, заодно. Оставить себе. И никому не отдать больше.

- Ой, давай, лучше завтра уже созвонимся, хорошо? Я что-то не подумала. Зря тебя набрала... - Заюлила, заерзала, решила дать заднюю.

- Аля... - Вот теперь я уже зарычал, ни в чем себя не ограничивая. – Ты меня слышала, твою-то мать, чертова задница?!

- Все. Все. Поняла. Выхожу. Перезвоню сейчас.

- Локацию мне скинь. Приеду – поговорим.

Обычно она выпаливает все, что взбредет в бредовую головушку. Всякую чушь. И знает, что я буду с радостью слушать. Хоть мычит – пускай. Главное, чтобы со мной говорила.

А тут – юлит. Значит, какая-то совсем уже хрень приключилась. И ее нужно срочно раз-руливать!

- Не надо, Дань! Говорю же тебе!

- Аля... - Рык получился уж совсем звериный. Долбанул костяшками по стене, снова кожу стесал... Облизнул костяшки от выступивших капелек крови...

- Да. Поняла. Жду. Тут недалеко от тебя.

- Все. Не лезь никуда. И ни во что не впутывайся больше!

Байк еще не остыл от прогулки с блондой. Даванул по газам, пугая рыком мотора всех крыс и котов на парковке.

Я правильно все угадал – эта засранка тусила в клубе. Время – за полночь.

- Ты какого лешего здесь делаешь? А если папенька зайдет, проверит, как доченька спит? Я снова тебя отмазывать буду? Аль. Мне это уже насто... - Проглотил окончание слова.

Как бы ни злился на нее, ни одно ругательство не могло при Альке наружу выскочить.

Сначала проорался, и лишь потом рассмотрел эту дурочку.

- Ты на кой ляд сюда так вырядилась? Приключений на задницу ищешь? – Сбросил с плеч кожаную куртку, протянул Альке. – На, спрячь свой срам!

- Зачем? – Невинные глазища, полные удивления. Реснички – хлоп, хлоп. – Я же нормально выгляжу...

И еще покрутилась передо мной, демонстрируя, какая она тут, млять, нарядная. Даже не надо вертеть пятой точкой – к ней и так прикованы все взгляды.

А в декольте – капельки пота собираются. И рука вот прямо тянется, чтобы их собрать, вытереть...

- Я не хочу отгонять от тебя всех озабоченных в округе! – А главное, как бы самого себя от соблазна удержать?! Это же чистый соблазн, только с глазами непорочной девы.

- Не надо никого отгонять. У меня теперь есть, к кому обратиться за защитой, понял?! – Обиделась. И куртку мою сбросила.

Схватил ее за плечи, заставляя снова накинуть.

- Что, что? – Пальцы сжались, против моей воли. Так сильно, что синяки могли остаться.

- Ай! Ты чего, Дань?! Прекрати злиться! – И нежно так погладила по щеке тыльной стороной ладони. И сердце зашлось. И веки опустились. Господи... Разве так можно? Разве можно так поступать с лучшим другом, твою-то мать, а?!

- Ты зачем звонила мне, Аль?! Ты пьяная, что ли?!

- Мне нужна твоя помощь, Дань. Больше не у кого просить, понимаешь? – И снова по щеке ладошкой. Туда-сюда. Мягко-мягко, самыми кончиками пальцев... В животе все мышцы сжались. В паху – все железное, твердое, напряженное до боли.

Вдох. Выдох. Очень прерывисто и коротко. И квадратный корень из семьсот пятьдесят... Сколько это будет? И есть ли корень у этого числа?

- Даня... Что такое? Ты ее любишь?

- Кого?! Кого я люблю-то, Аля?! Ты о чем со мной говоришь, вообще?

- Ну, девушка твоя... Она ревновать не будет, если ты мне поможешь?

- М... Предположим, не будет. У нас такие отношения, что никто никому ничего не предъявляет! – Как будто она сама не знает, что у меня каждый день – новая. И никому еще не позволялось со мной ссориться.

- Вот. Хорошо. Значит, у нас все получится. Так здорово, Данечка, что ты есть у меня!

- Аль. Я ничего не понимаю. – От этих ее слов, начал закипать и плавиться. Ну, никак не победить свои мечты, еще со времен школы. Когда-то же реально верил, что у нас все может получиться...

- Притворись моим парнем, Дань.

Глава 2

- Что?

Данина куртка на моих плечах – горячая. Она еще хранит тепло его тела, запах его туалетной воды, родной и знакомый, греет и успокаивает...

- Что ты сказала, Румянцева, повтори? – И все. Мороз по коже. Кажется, что голос Дани где-то в горле застрял, и теперь не может вылезти наружу. Пронизывается, словно наждак... И от этого скрипучего звука по моим рукам бегут противные, холодные, колющие мурашки.

- Прости. Не надо было. Я просто не подумала. Устала, чего-то насочиняла себе опять...

- Повтори, я сказал. – Он уже рычит и грозно скалится. Жесткие пальцы впиваются в мышцы предплечий.

- Ай, больно! Не делай так! Я сейчас плакать буду! – Моя короночка. Всегда на него действует. Стоит только слезинку пустить – и Воронов тут же мягкий, теплый, заботливый. Мой самый лучший, самый любимый друг! А не вот эта вот страшная гора, напичканная тестостероном!

- Не юли, Румянцева. – Но хватку, все же, ослабляет. Осторожно поправляет воротник, загнущийся внутрь на моей шее. Нечаянно цепляет кожу костяшкой большого пальца... Мы оба вздрагиваем, как от удара, и замираем, отчаянно глядя в глаза друг другу...

- Я... Как всегда, дурацкая затея, Дань. Извини. Я снова ерунду придумала. Ничего не надо. Езжай домой. Я тоже скоро пойду...

- Нет уж, Румянцева. Ты сейчас мне все выложишь. И не дай Бог, соврешь хотя бы на половинку слова!

- Ой, Данюш... Ты такой милый становишься, когда начинаешь притворяться моим папой... Такой же строгий, серьезный... Я сейчас сделаю все уроки, честно пионерское! И конфеты больше есть не стану! – Затараторила, заторопилась, понесла какую-то нелепую чушь, которая всегда меня спасала, заставляла Даньку улыбнуться. Сначала скупое, смазаное, а потом – от души, во все тридцать два его яркие зуба...

- Тормози. Не прокатит. Пойдем. – Как всегда, коротко. Но очень доходчиво. И так внушительно, что остается лишь прикусить язык и заткнуться.

И семенить за ним следом. Не успевать, спотыкаться на неудобных, слишком высоких и тонких каблуках... Ловить его недовольный взгляд, брошенный через плечо, и снова ускоряться.

- Стой. Зачем мы туда идем? Я домой хочу. Сюда не будем больше возвращаться. – Клуб, до того казавшийся чудесным, веселым, самым привлекательным местом для жизни, вдруг вызывает отвращение.

- Ты пила? – Он резко тормозит, от чего я врезаюсь носом в его спину.

- Ты чего? С ума сошел?! – От возмущения и обиды толкаю, со всей силы. Но с таким же успехом, я могла бы постучать и по стене. Слишком он большой и сильный, чтобы я могла его с места сдвинуть...

- Что-то принимала?!

- Да иди ты в задницу, Воронов! Я тебе не для того звонила, чтобы ты устраивал допрос! От возмущения снова начинаю тараторить, злиться, путаться в словах и звуках.

Даню это всегда забавляло и смешило.

Только не сегодня.

Он резко дергает меня за руку и уводит куда-то в сторону. Не туда, куда ломятся все заведенные гости клуба.

Толкает неприметную дверь – и вот мы в тихом, темном помещении, похожем на подвал.

- Ты меня здесь прикопать решил, да? – Нервно дергается рот. Я его таким еще не видела никогда. Неужели, так сильно расстроился, что с девушки его сняла? Может, у них там любовь, а я со своими глупостями?

Едва успеваю заткнуться, чтобы неудачным вопросом не сделать еще хуже.

- Ей – сок. Мне – вискарь. Грамм двести. Не разбавляя. – В полумраке тащит меня к барной стойке, о которой даже догадаться было нельзя. Слишком это помещение на бар не похоже...

- Чего?! Дань, какой вискарь?! Ты же на байке сюда приехал! Тебе пить вообще-то нельзя... - спорю с ним, по привычке, но забираюсь рядом с ним на барный стул.

- Ноги прикрой. Ты чего так вырядилась? Вляпалась в какую-то новую секту, что ли? Там у вас шлюх разводят? А за это кормят лучами солнца?

Он, конечно же, игнорит мое замечание про алкоголь. Забирает стакан у бармена и заливает его в себя одним махом.

- Все. Это уже перебор, знаешь ли. – Не дождавшись своего сока, спрыгиваю обратно, и чешу к выходу. Еще мне таких обид от него не хватало! Губы трясутся. Часто-часто моргаю, чтобы прогнать внезапные слезы.

Глотаю обиду, толкаю внутрь себя, чтобы прямо тут, на его глазах, не разрыдаться.

- Перебор – это твое платье, Аля! Ты с какого хрена так вырядилась и приперлась сюда?! Вообще, понимаешь, как это выглядит?

Мне никто уйти, конечно же, не дал.

Буквально два шага – и я припечатана к стене. Холодной. Каменной. Ощущаю спиной, какая она твердая, даже через кожанку Дани. А грудь упирается в такую же твердую Данину грудь. Только очень горячую и часто вздымающуюся.

Он зол. Глаза горят яростью. Крылья носа раздуваются, зубы стиснуты с такой силой, что челюсть выступает...

- Да что такого-то? Обычное платье! Надела на свидание! Я же не в школьной форме должна была сюда идти?! И вообще, какое ты имеешь право так со мной говорить, Воронов?

- Я – твой лучший друг. И твой отец мне доверил за тобой присматривать. Хочешь, чтобы он сам эти занялся? – Он шуруется предупреждающе и лезет в карман джинсов за телефоном.

Мускулистая рука еще сильнее прижимается к моему тонкому платью. Он как будто голую меня касается... Замираю от необычных, странных, неожиданных ощущений...

Тьфу ты, черт побери! Это же мой Данька! Он же родной, как брат! Как я могла подумать, вообще, такое?

- Так что, звоню папочке?

- Ага. Скажи, что ты водил меня в клуб, напился, целовал по-взрослому, все понял о нас. И теперь мы вместе!

Я сама не своя от того, что ощущаю от этой его тесной, горячей близости. И выпаливаю то, о чем хотела сказать весь вечер.

И обмякаю, стекаю по стене от усталости.

Глава 3

Твою же мать, а!

- Алька... - Мой голос падает, опускается до сипа, едва различимого среди шума. Сердце так гулко стучит по грудной клетке, что я сам почти не разбираю, что шепчу ей в лицо.

- Да!

Она точно так же, едва различимо, теряя дыхание, шепчет мне в рот свое согласие.

И я целую ее. Крепко. Жадно. По-взрослому. С языком. Облизываю губы, втягиваю в себя, всасываю, дрожа от удовольствия и от зависти – к самому себе!

Забыв о том, какая она хрупкая, какая нежная, какая тонкая... О том, что даже дышать на нее иногда страшно... Одной рукой охватываю плечи, вторая шарит по ее спине, забирается в глубокий вырез, трогает позвонки, пересчитывает их, заставляет ее гнуться, плавиться, дрожать – и все это – по моей воле!

Жутким усилием воли сдерживаю хриплый стон. Я еще ничего не сделал с нею, а уже готов взорваться от удовольствия. От того, что раньше мог видеть только в горячечном сне.

- Эй, голубки. Здесь нельзя. Оплатите приват, и там милуйтесь, сколько угодно. – Хрипловатый голос мужика за спиной заставляет меня вынырнуть из омута.

Трясу головой, пытаюсь очнуться, поворачиваюсь... Я сам немаленького роста. Но охранник выше меня на пару голов, шире в плечах... И не пьяный, как я, от близости самой желанной дурехи...

- Все нормально. Мы сейчас уже уходим. - Тонкий, какой-то совсем не Алин голосок заставляет меня отвлечься.

Мужик, неодобрительно дернув губой, удаляется. На прощание бросает взгляд через плечо. Очень внушительный. И многообещающий.

Алька дрожит. Всем телом.

От макушки до тонких, изящных щиколоток. Ее всю колотит крупная, какая-то нездоровая дрожь.

- Аль? – Я хочу продолжения. Хочу целовать ее. Еще больше. Еще глубже. Еще сильнее. Чтобы она плакала, стонала и смеялась подо мной, в моих руках, под моей тяжестью.

Она вытирает рот тыльной стороной ладони. А в огромных голубых глазах плещется что-то... Что-то очень странное. И совсем не похожее на радость.

- Ты чего, совсем офонарел, Воронов? - пушистые, густо нарисованные ресницы трепыхаются, порхают, летают над ее щеками... Еще чуть-чуть – и по щекам потекут слезы.

Это выражение лица я знаю слишком хорошо. Слишком часто вытирал, утешал, успокаивал, собирал из-под носа сопли. Еще с тех пор, когда пятилетняя дурочка-соседка падала с моего велика и разбивала коленки.

- А что не так? Тебе не понравилось, что ли? – Вытирать ей нос, после моего поцелуя, это уже совсем зашквар какой-то!

Зубы сами сжимаются от злости. И кулаки похрустывают... Едва держусь, чтобы не долбануть по стене.

- Я не шлюха твоя, понял? Кто тебе разрешил так делать со мной?! – Ага. Вот она. Вся такая. Стоит лишь психануть – и от злости слезки вмиг высыхают! И хрен ты уже их вытрешь, даже если очень хочешь пожалеть... Руку протяни – и тут же оттяпает. Чтобы не лез!

- Сама же предложила. Что не так? – Тупею. В своих собственных глазах падаю, на самое дно лечу. В голове только звон и грохот. Кровь ушла вся куда-то вниз. Пах ломит от напряжения. Ни черта не соображаю. – Что опять за претензии, мелкая? Я все сделал, как ты просила!

Она пытается нырнуть мне под руку и сбежать.

Все, как обычно у нас. Она меня злит. Я ору. Она пугается и сваливает.

А я, как обычно, виноват.

Одно только но: в этот раз я залез ей в рот языком, а руками чуть в трусы не забрался.

И это все очень сильно меняет.

И я не намерен ничего откатывать назад!

Позволяю уйти. Всего на пару шагов.

Мне остыть нужно и привести башку в порядок. Иначе, черт возьми, придется кидать ее через колено и шлепать по заднице. Чтобы вела себя понятно и прилично!

Прикрыв глаза, упираюсь затылком в стену. Глубокий, жадный вдох. Выдох – с задержкой.

Тренер учил так делать, когда совсем тяжело... Но что-то ни черта сейчас не помогает...

- Что, послала тебя кошечка? - Какой-то придурок угашенный толкает меня в плечо. – Может, мне попробовать счастья? Она клёвая...

И смачно, аппетитно облизывает губы...

- Тварь! Только посмей даже посмотреть на нее! – Жестко дергаю козла за локоть, откинув его назад, и припускаю вслед за Алей.

- Уходим отсюда! Быстро, поняла?! – Успеваю поймать ее у самого выхода.

- Сама доберусь. Отвали. И не трогай меня, слышишь? Я не твоя подстилка, чтобы так обращаться со мною!

Дергается, вырывается, оставив в моих руках мою же куртку.

- Так ты, значит, предпочтешь, чтобы лапал кто-нибудь другой?! Посмотри, как тут много желающих! Давай, выбирай! Покажи пальчиком – я помогу познакомиться!

Зло рычу на нее, выплевывая звуки сквозь зубы. И тащу на парковку, не позволяя оглядываться.

С нее же, дуры, станется: согласится на что угодно, лишь бы меня позлить!

- Я вызову сейчас такси и сама домой уеду! Зачем я вообще додумалась тебе звонить? Знала же, что не выйдет ничего хорошего!

Вся такая из себя деловая и самостоятельная, она продолжает улепетывать, на своих тонюсеньких, длиннющих шпильках! Впервые на ее ногах такие вижу... Смотрю на изящные, точеные щиколотки, облизываюсь от желания потрогать, охватить их пальцами, убедиться, что они настоящие.

- Ай! – Прямо на моих глазах, она спотыкается и падает. Совсем не изящно. Платье задирается почти до самого белья.

- Аль, ты как? Больно? – Падаю на колени рядом. Сердце в пятках.

Она лежит в той же позе, спрятав лицо куда-то в асфальт...

- Аля! Аля, что с тобой?! Тебе вызвать «Скорую»? – Тормошу ее, пытаюсь перевернуть, заглянуть в лицо... - Ударилась? Вывернула себе что-то? Аль, не молчи, скажи что-то...

Не выношу, когда ей больно. Лучше бы умер сам, чем смотреть, как она страдает... Это же невозможно, когда Альке плохо...

- Уйди. Воронов, просто уйди. И оставь меня! – Она внезапно приподнимается. Прожигает насквозь. Глаза сухие, горящие ненавистью и обидой.

- Вот еще. – Живая, значит. И не так уж ей и больно. Просто психует, как всегда.

Встаю и подхватываю ее на руки.

Так проще. И так надежнее. И теперь уже не денется никуда.

- Тебе за руль нельзя. Ты пил, помнишь?

- Ну, пешком дойду. Не беда.

Ее вес, не больше бараньего, нисколько не тянет. Наоборот, придает мне сил и бодрости. Держать ее так – абсолютный кайф.

- Дань, все уже нормально. Я успокоилась. Поставь меня. Я доберусь сама до дома.

Ее голос обманчиво тих и лишен эмоций. Она просто просит. Не дергается, не вырывается.

Только меня уже этим не проведешь. Как облупленную знаю: только выпусти – и тут же упорхнет. И станет язык из-за угла показывать...

Глава 4

Все. Не могу больше.

Закинув голову назад, жмурюсь изо всех сил. Громко сглатываю.

Слезы обиды и усталости закипают на глазах.

Но я же не стану плакать при Даниле! Ни за что! Никогда и ни за что не стану плакать!

Я его, гада, слишком хорошо знаю: сначала будет жалеть, утешать, притворяться, что весь такой заботливый и ласковый... Я, конечно, поверю, растаю, выложу это все... А потом как начнет стегать! Всю жизнь издеваться будет и вспоминать про эту мою глупую, разовую слабость...

- Не дрыгайся. – Вот. Уже. И плакать не надо было. Всего-то шевельнулась в его руках – а Воронов уже начинает угрожать.

- Тебя спросить забыла. – Огрызаюсь больше по привычке, чем в надежде, что поставит меня на ноги. – Отстань от меня. Иди уже своей дорогой, а я дальше как-нибудь сама!

- Сама себе ногу чуть не сломала, а я, как всегда, виноват? – Он рыкает, но уже как-то иным голосом: без злости. Почти по-домашнему. Почти как мой родной, мой самый лучший друг Даня...

- А не надо было меня пугать, между прочим! Напился – води себя прилично. Зачем было делать вот так?

Память о его поцелуе, таком волнующем и пугающем, до сих пор обжигает мои губы. Они чешутся, зудят, болят... Я не хочу такое помнить! Не хочу даже думать о том, как он своих девок целует... Почему все так?!

Он лишь подкидывает меня на весу, заставляя ахнуть.

- Ай! Выкинуть решил? Может, как-то поаккуратнее? – На автомате, хватаюсь за крепкие, сильные, такие надежные плечи...

- Лучше держись. Иначе на плечо взвалю, так и поташу, вверх задницей. Пускай, все плятятся на твои кружевные трусы... - Не вижу его лицо, но точно знаю: Данька снова ехидно ухмыляется. Так противно и так гадко. И так знакомо, как умеет только он один.

- Тебе нельзя на мотоцикл, Дань. Ты же пил. Я спрыгну, ты же знаешь! – Снова нарастает паника, как только чувствую, что он тащит меня на парковку.

- Я в курсе. Не дрейфь. – Ободряюще хлопает пальцами по моему бедру... Но я опять вздрагиваю, как испуганная кобылка. И что теперь? Нам больше нельзя будет прикасаться друг к другу? Я всю жизнь теперь буду его бояться?!

- А что, пешком тащить меня будешь, до самого дома?? Я в тебя, конечно, верю... - Хихикаю, представляя, как он меня понесет по всем проспектам...

- Аль. Ты сегодня где свои мозги-то оставила? Дома забыла, вместе с нормальной одеждой? Или, может, обменяла их на входной билет? Как, вообще, попала-то сюда?

Данька все больше становится похожим на себя. Немного едкий, вредный, но заботливый и внимательный. Тот самый Даня, которого я хотела просить о помощи...

Я лгну щекой к его плечу. Греюсь. Питаюсь его силой и теплом... Вдыхаю устало и грустно.

- Эй, мелкая?! – Он резко ставит меня на ноги и встряхивает. – Ты чего молчишь? Закисла совсем? Когда это мои шутки про твой мозг оставались без дела? Зря, что ли, тебя подколоть пытаюсь?

- Я хочу домой, Воронов. Вызови мне такси. И я поеду. И забудь про этот вечер, пожалуйста... - Мне так хочется уберечь ощущение, что мы снова – друзья. И он не гоняет меня из дома, и я не ревную, глупая, к очередной его раскрашенной шлюшке...

- Уже.

- Что «уже»?

- Одна минута – и поедем. – Я пытаюсь заглянуть ему в лицо, уловить – что там, в этом странном, пугающем, непонятном взгляде, которым Воронов тянет из меня все жилы... Но Данька не позволяет: словно пацана, обнимает меня за плечи, к себе прижимает, и треплет...

Я вздыхаю облегченно: кажется, у нас опять все наладилось. И не было этого глупого, дурацкого, совершенно лишнего поцелуя!

А если мы друзья...

Снова просыпается надежда. Заставляет меня улыбнуться несмело...

Может быть, у нас еще все получится?! И Данька обязательно поможет мне? И этот вечер был совсем не зря?

- Падай. – Распахивает передо мною дверь подъехавшего гелика.

- Может, я должна взлететь? – Слишком узкое мини, чересчур высокие шпильки... Не представляю, как буду забираться на подножку этой тачки.

Данька смотрит насмешливо – и одним ловким движением подбрасывает меня, закидывает в салон автомобиля.

И падает рядом сам. Обнимает меня за плечи, прижимает боку.

- А ты куда? Нам же в разные стороны... - Ничего не понимаю. Мы никогда так рядом с ним не ездили. Он только вызывал такси, сажал меня – и все.

- Папеньке на руки тебя сдам. Я же, вроде, твой парень теперь? Должен тебя провожать...

Сердце ухает куда-то в пятки. На его месте – холод и пустота. И дрожь по телу разбегается, вслед за острыми, непонятными мурашками.

На языке вертятся слова – очень разные. Горячие, обидные, злые, возмущенные... Да чего только не вертится там – важного и не очень... Да только – ничего умного.

И я молчу. Крепко сжимаю зубы и молчу. Чтобы не испортить. Данька – он же такой. Чуть лишнее ляпнешь – и все передумает. И все будет зря. Все мои мучения, все переживания – все будет вхолостую.

Нет уж! Хотя бы сейчас, хотя бы раз в этой жизни, я сумею заткнуться, и Даня станет моим парнем! Главное, чтобы он смог подольше продержаться...

Глава 5

- Сиди ты спокойно, не ерзай! – Крепче сжимаю ее плечо. Вдавливаю в свой бок. Это невыносимо терпеть.

Физически больно от того, как Алька ерзает на сиденье. Как ее колени сжимаются и раздвигаются. Как изящные, тонкие пальчики беспрестанно одергивают край короткого платья.

Стараюсь не смотреть. Слежу за тем, как в окне проносятся вывески, объявления, столбы, светофоры... Еще немного – и начну это все считать. Только бы не видеть, не слышать, не ощущать, как пахнет Алькино тело – горячее от моей близости. И как она дышит прерывисто, взволнованно...

Твою ж мать! Зачем я, вообще, взял в руки телефон? Мог бы отлично сейчас развлекаться с той белокрысой. И ни о чем не думать...

- Приехали. Выходить будете? Или еще покататься решили? – В зеркале заднего вида ловлю насмешливый взгляд водилы. Этот урод косится на коленки Альки! Руки тут же горят от зуда. От желания вмазать по наглой роже!

- Выходим, Аль. Слышишь? Ты там уснула, что ли? – Она как будто стала совсем уже маленькой. Вжалась в кожу кресла, вдавилась в него, а ногтями вцепилась в мое запястье. И не дышит совсем. – Или укачало, может? Выпрыгивай, давай, пока дядь Витя не увидел, как тебя полощет... Я же не успею рассказать никаких новостей – он меня сразу и удавит...

Шучу, а на сердце беспокойно. Вдруг, ей реально плохо сейчас? Я как ее буду спасать-то?

- Будет боевое крещение. Не дрейфь, Данечка. Папа тебя примет с распростертыми объятиями. Сам же все прекрасно знаешь! – Несмелая улыбка оживляет личико, добавляет немного красок на кожу, до того совершенно бледную.

- Хрен знает... Я бы и стволу не удивился... Я батю твоего отлично знаю...

- Так, птички. Вы будете вылетать? Счетчик уже начал мотать за ожидание... - Мы совсем забыли про водителя, сверля друг друга пристальными взглядами.

- Держи, не плачь. – Не глядя, достаю из кармана несколько купюр, бросаю ему на торпеду, и практически силой вытаскиваю Альку из машины.

- Та как? Не тошнит? Все нормально? – Такси газует, на секунду оглушив нас ревом мощного движка. Алька стоит, пошатываясь. Цепляется в мой рукав, с такой безнадегой в глазах, будто лишь от меня зависит, устоит ли она на ногах... - Ты что там употребляла, а? Что ты ела, пила, Аля? С кем ты туда, вообще, ходила?

Мне уже плевать на ее отца. Пускай убивает, стреляет, рвет меня на куски руками... Не важно. Главное, пусть это делает после того, как я накажу все виноватых! В воспаленном мозгу уже вертятся картины страшной мести.

- Я... Не знаю. Просто папу боюсь. Ничего я не пила, кроме воды. И пары коктейлей. – Она хитро ухмыляется, замечая, как я снова начинаю звереть. – Мохито без алкоголя. Ты чего, Воронов? За кого ты меня принимаешь, вообще?

- Ведьма. Опять издеваешься? – Ей лучше от наших перепалок. Что ж. Пускай. Потом отыграюсь. Время будет.

- Идем уже. Мне, между прочим, уже пора в люльку. Еще чуть-чуть – и папа меня никуда никогда не отпустит! И даже с тобой!

Ее глазища опять распахиваются. И уже в настоящем ужасе.

- Аль, кончай тарашиться уже. Я все время думаю, когда у тебя глаза наружу вывалятся, а они все никак не хотят...

Моя шутка летит ей куда-то в спину.

Алька уже припустила к воротам. Спешит, не оглядывается... Но хромает уж слишком явно.

- Стой ты, блин. Пока в грязи не извалялась. – Опять ловлю и беру ее на руки.
Ну, блин... Когда еще будет удачный шанс потрогать ее безнаказанно?

- Аля? Даниил?! Какого черта здесь творится? Вы... Ты почему ее на руках несешь? Что происходит, Данила?! - Ворота распахиваются, выпустив на тихую улицу разъяренного отца.

- Папа, привет... - Алькин голос еле слышен.

- Что, явилась твоя коза? – За спиной Виктора появляется мой отец. Бинго!

- Ага. Вишь, в какой компании? – Дядя Витя немного утихает. И сверлит нас обоих очень цепким, изучающим взглядом.

- Ого... Данюха... Да ладно? Вы что, реально спелись, да? – Мой отец, очевидно, в отличном настроении.

И оно на глазах улучшается.

- А у нас, по ходу, еще повод накатить! А, Витек? – Батя довольно хлопает Виктора по плечу.

- погоди. Сначала разберемся, что тут происходит, вообще... - Виктор Андреевич не так лучезарен и дружелюбен, как мой наивный предок.

Молодец.

Отлично знает свою дочь. И в наших с ней терках – тоже хорошо разбирается... Его так просто не проведешь...

Глава 6

Господи, Боже мой!

Как бы, вот прямо сейчас, без подготовки, мне бы провалиться сквозь землю?

Кто?! Кто меня надоумил на эту дичь?!

Как я могла сочинить, что папа поверит в наши отношения?! Он же сейчас убьет нас обоих – сначала меня, потом Данилу! И еще сделает по контрольному, в голову! Чтобы точно не выжили!

Лихорадочно сочиняю отмазки, одну глупее другой... И ничего хорошего на ум не приходит. Паника накрывает... Бежать! Бежать отсюда! И не важно совсем, что бежать мне некуда – возвращаться сюда придется, по-любому. Как бы ни бегала, отец меня все равно найдет... и убьет...

Даня, словно шестым чувством, ловит мою панику. Он будто мысли мои читает – опускает на землю, хватая за руку. Обнимает за плечи, стискивает... Так сильно, что мои ребра трещат. А затем и вовсе – прячет меня за спину, а сам вперед выступает...

- Объяснись, малой. У тебя две минуты. Не успеешь – репрессии включу.

Отец говорит спокойно. У него не дергается ни одна мышца на лице. И взгляд его обманчиво холоден... Но мы-то все прекрасно знаем, чем оно может закончиться, это спокойствие...

Папа и застрелить может, и глазом не моргнет... И чем холоднее голос отца, чем он тише – тем страшнее мне становится...

- А что тут объяснять, Виктор Андреевич? – Данька, молодец такой, не пугается. И даже улыбается, как будто... И вообще, мне кажется, мой папа ему – никакой не указ.

- Ты из какого борделя ее приволок, раскрашенную, как последнюю...? – Не закончив фразу, отец сплевывает в сторону. И все же, мы отлично понимаем, кем он меня считает теперь.

- Дядь Вить, может, мы хотя бы во двор зайдем? Вы, реально, хотите, чтобы все соседи были в курсе наших с Алей отношений? Зачем вам это? – Даня игнорирует вопрос, шагает вперед, меня тащит следом...

- погоди. Сначала ответь, где вы шлелись в такое время?! И кто позволил Алевтине нацепить на себя эту дрянь? – Отец заводится. Но это слышу только я. Для всех остальных – он продолжает излучать спокойствие. Только пара ноток в голосе, известных лишь мне... Они грозят нам самыми страшными карами на земле.

- Виктор Андреевич, вы не видите, ей холодно, она устала, а еще и подвернула ногу? Если не хотите, чтобы ваша дочь и моя девушка была в комфорте... Я отвезу ее отсюда. Решайте.

Ого...

А вот это – просто капец! Ультиматумы... Такого папа еще никому не позволял!

- Куда? Обратно в бордель? – Тем не менее, голос отца смягчается... Он отступает в сторону, буквально на пару сантиметров, и позволяет зайти во двор.

- Сейчас, я помогу ей переодеться. Мы вернемся и все обсудим. Хорошо?

Молчание. Глухое и опасное. Как затишье перед грозой...

Упорно смотрю себе под ноги. Дико боюсь даже взглянуть на взрослых. Кажется, что под их взглядами я просто исчезну, в пепел превращусь... И очень быстро семеню вслед за Даней.

- Не понял! Ты что, сам ее переодевать будешь? Ничего не перепутал, малец? Думаешь, с твоей наглостью все можно?! – Голос отца звенит издевкой. И теплеет, сразу на несколько тонов...

- У нее нога подвернута. Помогу подняться на второй этаж, а потом спущусь. Я ваш дом уважаю, дядь Вить. Краю вижу. Перебарщивать не стану – я же не самоубийца. – Данька тоже оттаивает, позволяет себе усмешку... Но все же ускоряется. И меня за собой все быстрее тянет...

- Спасибо! Данечка, спасибо тебе огромное! – Оставшись наедине, бросаюсь ему на шею, позабыв о том, как сердилась, как злилась, как ненавидела его... Сейчас он – мой спаситель. Самый главный. Самый верный и надежный. – Я всегда знала, что на тебя можно положиться!

- Иди. Надень штаны нормальные и какие-нибудь тапки... - Он застывает на секунду в моих объятиях. Словно каменеет... Затем с усилием отдирает мои пальцы от своих плеч. Кажется, что ему противно даже прикасаться ко мне. Делает больно своим отвращением...

- Прости. Все время забываю, что ты меня терпеть не можешь. Я же не эти твои... А сухая вяленая вобла, на которую без слез не взглянешь... - С горечью выплевываю фразу, от которой когда-то чуть не умерла. Сейчас уже все не так. И я знаю! Знаю, что на меня все смотрят! Парни сходят с ума, когда я прохожу мимо! Только Воронов нос воротит...

Но мне-то – какая разница?! Мне он больше не нужен, только для прикрытия! А ради этого можно и потерпеть...

- Аль. Ты меня попросила о помощи. Я - вписался. Сейчас еще краснеть перед батей твоим буду. Чего еще тебе нужно? – Впервые замечаю, что он черный от усталости.

- Прости. Прости, пожалуйста... И спасибо тебе! – Трясу его ладонь обеими руками, опасливо отступив на шаг назад. Больше не рискую приближаться.

- Пять минут. Если не вернешься вовремя... - Он кривится, что-то просчитывая в уме.

- Ой, только не говори, что надаешь по заднице! Знаю я эти твои угрозы... - Позволяю себе даже хихикнуть...

- Я просто уйду. А ты тут сама разбирайся. И забудь мой номер телефона!

И вот эта его угроза – она настоящая. Верю ему. Пугаюсь.

Бегу в свою спальню, рискуя снова сломать ноги. Если он уйдет – все пропало. И никакого счастья у меня не получится!

Глава 7

- Ты глянь, Витек... А он послушался. Вернулся один. – У моего отца – все круто. Он улыбается, развалившись в шезлонге. Помахивает наполненным бокалом. Похоже, он уже праздновать что-то собрался.

- Еще бы он не вернулся. Никто не хочет из окошка вылететь.

Виктор Андреевич – как тигр, запертый в клетке. Ходит кругами, смотрит на меня волком.

- Объяснишься, малой?

- А что тут объяснять, Виктор Андреевич? Мы с Алей решили быть вместе. Вот, я выполняю обязанности ее мужчины...

- Кого?! – Твою ж мать! Ничего не боюсь уже давно. Но от этого рыка чуть не поперхнулся, чуть заикой не стал.

- Молодого человека Алевтины. Она нагулялась, позвонила – я привез ее домой, в целости и сохранности.

Опускаюсь на свободный шезлонг, тянусь к пустому бокалу.

- Стоять! Тебе тут еще, пока, никто не наливает! Ты, кстати, уже что-то принял? – Он принюхивается к моему выхлопу. – И Альку тоже напоил?

- Она трезвая, дядь Вить. Просто в клубе загулялась с подругами.

- А ты? Ты почему не трезвый?

- Ну, так для храбрости, чисто сто грамм. – Небрежно отмахиваюсь. Знал бы он, чего мне стоили эти три глотка... И как после них еще больше убивать захотелось...

- Пап. Что ты к Дане пристал? Он, между прочим, совершеннолетний! – Алька является, словно из-под земли. Словно и не хромала отчаянно, пару минут назад... или это время для меня так быстро пролетает? Меня словно черти в аду на сковородке жарят. Когда мне позволят нормально поговорить с этой сумасшедшей?

Она же всегда говорит, что знает меня, как облупленного. Мысли, типа, мои читает...

Так какого, твою-то мать, лешего, она теперь жилы из меня вытягивает?!

Переоделась. Ага. Приличная, типа.

Штаны. Футболка до самого горла. И сверху кофта накинута...

Какой урод сочинил такие ткани? Кто это все, нахрен, сшил? Почему она одета, но выглядит, словно раздетая? С трудом отвожу взгляд от округлых бедер, когда Алька становится прямо передо мной... И падает мне на руки! Шезлонг поскрипывает, но держится...

- Хорошая мебель у тебя, Витек! Мои бы стулья уже давно поломались. – Батя снова довольно хмыкает. Кажется, только он здесь и доволен всем, что творится.

- Аля! – Голос дядь Вити мог бы заморозить воду. Лично у меня пробегают мурашки по коже. – Ты что творишь, дочь моя?!

Он едва-едва играет интонациями. Совсем незаметно напрягает свои чересчур расслабленные связки, а я руками и ногами чувствую, как Алька всем телом сжимается. Из мягкой, теплой, дышащей – превращается в ледяной пружинистый комочек. Ей страшно. До усрачки. Да и мне не очень-то весело. Но, по привычке, встаю на ее защиту.

- Виктор Андреевич, вы же помните, ей тоже уже есть восемнадцать. Будете обижать – заберу к себе домой. Там на нее никто кричать не будет. Я не позволю, вы знаете...

- Гарик, а скажи-ка ты мне, с каких это пор твой отпрыск так обнаглел? – Дядя Витя долго буравит меня глазами, будто сверлами. И лишь потом, нехотя, оборачивается к моему батю. – Он, смотрю, на репрессии прям напрашивается?

- А чего ты ему сделаешь-то, Витек? Меня заставишь наказывать? – отец отвечает с довольным хохотком. – Так он уже парень взрослый. Я – не указ.

- Гарик... - этот рык звучит очень страшно. Мало кому доводилось такое слышать. Это прямо когда совсем беда...

- А насчет Алевтины – ты в курсе, мне она завсегда нравилась. И я буду счастлив с вами породниться. Если надо – хоть сейчас ее примем. Бог дочерей не дал, так Алечка будет самой любимой и лучшей...

Спасибо, папенька. Много поводов тебя ненавидеть, но можно все простить за такую поддержку.

- Да щцщаз. Вам только волю дай – и тут же лапы к моим деньгам протянете. То я тебя, Гарик, не знаю.

- Дядь Вить, я Алю просто так люблю. – Черт. Как легко и просто это вылетает из моего рта. Слова, которые запирали годами. Которые выжигали грудь каленым железом, но я – молчал... Говорю – и сразу становится легче. Я теперь горы готов сворачивать. – Не надо нам ваших денег. И на свои, уж как-нибудь, смогу ее содержать.

Алька гордо вскидывает подбородок. Сейчас она начнет орать и возмущаться. Феминистка хренова. Вечно за какие-то свои права сражается и все такое...

Но я ловлю ее лицо пальцами, тяну на себя... И легонько касаюсь губами ее губ. С усмешкой наблюдаю, как взлетают ее ресницы, а взгляд становится ошеломленно-пришибленным. А потом в нем просыпается дикая жажда убийства. Кажется, я снова девочке не угодил... Но она молчит. И это – главное.

- Да вы что тут такое творите, у меня, твою мать, на глазах?! Ну-ка, быстро, встал и вышел! И больше на мой порог ни ногой, понял?! - Вот. Алкин батя, наконец, взрывается. Глаза налиты злобой, кулаки сжимаются так, что трещит бокал...

- Хорошо. Аля, пойдем. Твой папа нас не одобряет. – Легко вспрыгиваю, поднимая Альку на руках. – Значит, будем жить без его благословения. Пап, ты нас докинешь до дома, мне сегодня за руль нельзя?

- Воронов, что это значит? Я так не хочу. Это не правильно... - Алька испуганно шепчет мне куда-то в шею, щекочет кожу дыханием...

- Помолчи. Сейчас разберемся. – Широкими шагамидвигаюсь к воротам. – Пап, если сам не поедешь – вызови нам такси, пожалуйста. У меня заняты руки.

- Стоять! Я вас никуда не отпускал. – В мою спину летят проклятия, из них цензурного – только предлоги. Алька жмурится, краснеет, смущается. Ее нежные девичьи ушки не привыкли к такому... Добро пожаловать во взрослый мир мужчин, детка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.